

Розалия Асфандияровна Султангареева

Уфимский исследовательский центр Российской академии наук

Этнолингвистические и типологические параллели в фольклорном творчестве народов (на материале свадебно-обрядовых песен башкир)¹

Феномен тюркской культуры восходит истоками ко времени энеолита – переходному периоду от каменного к веку металла (II–III тыс. до н.э.). К этому периоду восходит время возникновения могучей мифологической системы осознания жизни и нравственных приоритетов прототюрков, проявляя идейную, ментальную общность, типологические сходства входящих в их состав народов. В этой системе знаний наиболее ясно отображены особенности изначальных праиндоевропейских традиций, впоследствии по-разному проявляющиеся в культуре башкир, казахов, киргизов, туркмен, алтайцев, каракалпаков, татар, ногайцев и др. этносов. Суть тюркской культуры в единстве и взаимосвязи самых различных этнических, хозяйственных типов (кочевое, полукочевое, земледельческое, скотоводческое и др.), религиозных учений (ислам, буддизм, православие, шаманизм) и систем жизневедения (этикет, образование, лечебная магия, народное искусство и т.д.). Тюркская традиционная культура, как и всякая, глубоко синкретична, полисемантическая и концепция ее составляется из многих, самых различных мировоззренческих, также языковых, философских, эмоционально-экспрессивных, этнографических и др. единиц. Постигание ее замыслов предполагает охват культурных комплексов, касающихся огромных пространств, также этнических, временных, локальных ценностей.

Философия традиционной тюркской культуры многогранна, неповторимость и единичность ее составляется из многих особенностей, в ней органично связываются архаика, традиции и гибкость к принятию нововведений времени, номадический и оседлый опыты освоения разных миров, также «толерантность, свободолюбие, изначальность слова и оптимизм» [Алимова 2011, 71].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РБ в рамках научного проекта №17-14-02011 «Башкирские свадебные песни: текст и практика».

В многовековой культурной традиции общество-, природо- и человековедения наиболее значимым принципом, сохранившим многовековой опыт освоения мира в целостном художественно-образном, а также практическом проявлении, является фольклорное творчество. Система словесного мифологического искусства тюрков это сложный и многогранный код – ценностное наследие о жизни, идеалах, знаниях, философии народов с древних времен. Реалии жизни, проявления человеческого Духа в фольклоре тюрков оформлены в мифы, художественные идеи, образы, символы, сюжеты таким образом, что при комплексном изучении обнаруживаются свидетельства, не прочитываемые ни в археологии, ни в истории и ни в этнографических дисциплинах.

В такой сложной, многоуровневой системе, как фольклорное творчество мы выделяем основные три больших культурных комплекса, особо знаковые и наиболее ярко представляющие этнический, духовно-нравственный облик и жизненно-бытовой склад тюрков: это мифопоэтический (включая сказительский), обрядовый (все ритуально-функциональные формы также семейные, и несемейные, календарные, хозяйственные циклы и т.д.) и народного лечения (целительский, заговорный репертуар). В данной работе вкратце освещаем идейно-функциональные, типологические особенности свадебной обрядности тюрков (башкир).

Во всех фольклорных произведениях заложены жизнотворные идеи, поддерживающие эволюцию человечества и человеческого духа (традиции, мораль, стереотипы поведения), и прорабатываются они во времени сообразно языку, ментальности, особенностям мировидения, быта того или иного народа. Сказанное по отношению к сказительству мнение исследователя соотносимо и с обрядовым словесным искусством: оно «представляет уникальное по значимости творчество, обеспечивающее поддержание в веках традиций, общественной морали и «не имеющих равных способ передачи моральных принципов и правил поведения» [Путилов 2005, 90].

Обрядность – универсальный код жизненной философии и практический инструмент гармоничного проживания народа и его бытия. Она предполагает не только определенные эпизоды, акты, словесные и другие компоненты, а вбирает древнейшие мировоззренческие пласты и формы сознания, практические навыки, опыт, бытовые реалии человечества. В обрядовой системе тюрков в высшей степени проявлены ритуалы почитания Солнца (*Кояш*, *Көн*), небесных светил (*йолдоз*, *жолдоз*, *йондоз*), Луны (*Ай*), Полярной звезды (*Тимер казык*), Большой Медведицы (*Етегэн йондоз*), а также водной (*су*, *һыу*), земной (*ер*, *жир*, *жер*), огненной (*от*, *ут*), воздушной сфер, также четкие артефакты мифологии звезд, коня, птиц, Природы в целом. Великие учения

о человеке (*кісі, кеше, кіші*) и человечности (*адамгіршілік, кешелеклек*), чести (*Ырыс, Намыс*), о родовых достояниях и жизненной необходимости единства (*берзәмлек, бірлік*) как основ государства ясно отражают общие мировоззренческие, но и духовно-нравственные приоритеты, стереотипы жизневедения тюрков, прорабатываемые на обрядово-ритуальном, словесно-поэтическом и философском уровнях. Основные жизнесмысловые идеалы, маханизмы поддержания и продолжения гармонии ритуализированы в свадебном фольклоре. Типологически знаковая характеристика свадебной культуры всех народов связана с изначальными традициями создания семьи как единственной гарантии прочности человеческого сообщества. На фоне могучего культа семьи формируются сложнейшие конструкции свадьбы, отличающейся лишь деталями и эпизодами, связанными с географией, этническими и ментальными особенностями того или иного этноса. Доминантная идея заботы о благополучии Рода и будущности счастливой Семьи является структурирующей свадебную культуру идей. Традиционная свадьба есть самый устойчивый во Времени и духовной жизни народов культурный комплекс.

В этой связи генотипические замыслы продолжения жизни Рода, плодородности нового члена рода – невестки, также гарантии состоятельности (духовной и экономической) новой брачной ячейки развиваются как основные идеи-коды тюркской (славянской и финно-угорской и др.) свадьбы, обыгрываемые в целостном мифоритуальном комплексе. *Туй* (*той, ту*) – общетюркское слово, обозначает разные смыслы, но единые по содержанию и направленности праздника, санкционирующие 1) рождение ребенка (*бесік той, бешик – той, бишек туй*); 2) брачный союз нареченной пары (*калымтуй, калынтуй*); 3) также проводы в иной мир усопшего и погребально-поминальный цикл. Этимология *туй* восходит к праиндоевропейскому корню *ту* – «родить, родиться, появиться» [Сулейменов 2013, 25], что и предваряет исконные идеи переходных «туй» как празднеств во имя рождения нового человека, семьи. В погребальном комплексе слово *туй* имеет семантику приобретения нового родового покровителя на «том свете». Наиболее полно переходный контекст слова «туй» обозначен в отношении календарных обрядов *Каргатуй* («Грачиная свадьба»), *Бесэнтуй* («Свадьба сенокоса»), первичных традиций по сравнению с семейно-бытовыми. Каждый обряд сопровождали обильные угощения, коллективные трапезы, потому на этом фоне происходит слияние магии пищи со значением перехода. В дальнейшей эволюции ритуалы приобщения к обильным угощениям, трапезам, пище, которые в обрядовом контексте приобретают особо магическое значение, становятся обязательными компонентами празднеств. Они маркируют все значительные события

жизни Природы и Человека. *Туй* как символ магии обильной пищи закрепляется со временем в значении «насыщайся», «ешь досыта», называя брачные торжества [Султангареева 1998, 45]. Славянское название «свадьба» связано с понятием «сводить воедино пару».

Универсальная модель трехступенчатости (во всей тюркской и восточнославянской традициях) опирается на основные идеи создания новой семьи: выбор невесты и смотрины, сватовство, свадьба совета брачующихся сторон (это первая ступень – предсвадебные обряды); встреча сватов, основной свадебный пир, угощения-трапезы, подворные хождения по домам родственников и собиание угощений (этот обряд имел место преимущественно в башкирской свадебной обрядности), взаимооодаривания (это вторая ступень – собственно-свадьба); прощальный пир и проводы гостей-сватов (третья ступень – послесвадебный период). Трехступенчатость и многосоставность брачного туй с завершающим эпизодом – туркен (временное возвращение невестки домой) – типологически универсальный сценарий тюрко-монгольской свадебной культуры (башкир, казахов, киргизов, бурят, монгол, туркмен, татар, каракалпаков, ногайцев, узбеков, алтайцев и др.).

Во временной хронологии свадьба – традиционный *туй* башкир занимает промежуток от года до трех и более, она регламентируется выплатой калыма, после чего только устраиваются проводы невестки из дома отца. В мифологическом осмыслении *туй* олицетворяет первотворение нового человека для новой формы Жизни в лице невесты(ки) и располагает всеми основными семантическими компонентами. В этой связи архитектура свадебной обрядности прочитывается в контексте мифологической инициации – перехода девушки в статус женщин, жениха – в мужчин. Так, невесту (человека) выявляют из небытия (смотрины, молодежные игрища), закрепляют жизненный статус «нареченной» (*йәрәшелгән*), укрыв ее обрядовым подарочным платком (*никах, ижаб кабул*, ритуал *кәңәштуй* – «свадьба совета»). Далее инсценируется жертвоприношение божествам с целью рождения нового носителя Жизни: невесту, укрыв большим платком, проводят в прощальном хождении по селу, украшают платок разными приношениями, лентами. На стороне жениха распоясывают (*бил сисеу*) и проводят ритуал «открывания лица» (*бит асыу*), произнося обряд благопожеланий – *теләк*. Ритуал благопожеланий восходит к магии доброго слова, что в целом во всех типах обрядов предполагает структурирование среды на позитив и кодирование счастливого будущего. По замыслам, этот обряд санкционирует начало нового статуса невестки, приход в ее лице источника нового плодородия в родовой макрокосм жениха. Посвящение жениха в мужчины

проходит в ритуалах опоясывания, проводов к первой брачной ночи с невестой (*серге кагыу*) [Султангареева 2006, 120–142].

Весь башкирский свадебный церемониал, «посвященный рождению новой семьи», закрепляется исполнением песен (*йыр*), такмаков (частушки), благопожеланий (*телэк*), напевных речитаций (*көйлө һамак*), мелодий (*көй*), а также приговоров (*әйтәм*), загадок (*йомак*), заклинаний, имеющих непосредственные функциональные привязки к действиям. Следует отметить отличительные характеристики и специфику функций, семантики фольклорного репертуара тюркской и славянской типов обрядности. В свадебной лирике славянского семейно-бытового обрядотворчества выделяются конкретно-ролевые (песни жениха, невесты, песни свата, снохи и т.д.), ритуальные функции (песни расплетания косы, расставания с родительским домом, банные, подвенечные, прощания с красотой, распития согласительного напитка-пива и т.д.). Песни эти имеют также самостоятельные названия: *Отставала лебедушка*, *Присели там голуби*, *Растопляйся*, *парна баенка* и др. [Колесницкая 1978, 64–67]. В тюркской свадебной лирике песни в основном соотносятся с ситуациями, эпизодами, но не имеют привязки с адресатными названиями. Словесно-песенно-акциональный творческий комплекс действует как единое синкретное целое с происходящим. Это свидетельство более древних истоков и функциональных основ тюркской обрядовой культуры. Фактически, в древности все жанры исполнялись напевно [Кунафин 1997, 46–49]. Обозначение процесса и тематики содержится в самом названии свадебного жанра, т.е. жанр совпадает с явлением. Так, прощальное причитание называется у башкир *сеңләу*, казахов – *сынсыу* [Куралулы 1998, 61], у киргизов, туркмен *сыктау* или *жоктау* (также в погребальных), у татар – *кыз жылату* (досл.: заставить плакать девушку) и т.д. Во всех названиях жанр генетически связан с содержанием самого явления. Так, лексемы *сең*, *сын*, *сык* передают звуки стенания, плача, внутреннего стоны, а образованные от этих истоков песнопения группируют плачевый комплекс прощальных текстов. Идеино-функциональные универсалии свадебных причитаний всех народов восходят к магии плача, который в процессе стилизации развивается в поэтико-стилевые ритуальные оплакивания невесты во время прощания с родной стороной, домом.

Свадебные песни жизнеутверждающего пафоса образуют особую группу, в которую входят песнопения *жар-жар* (у башкир *йәр-йәр әйтеү*) и напевные благопожелания (*телэк*). Песни имеют любовную направленность (*йәр* означает «возлюбленная(-ый), любимый, любимая, друг, товарищ»), отсюда общая жизнеутверждающая направленность, обрядовость (исполняются во время встречи молодых и проводов их в брачное ложе) текстов. Повторы *йәр-йәр*

(*жар-жар* у казахов, киргизов) как рефрен, завершает каждый куплет или двустрочные песнопения, также причитания. Имеются различия функционального плана: в казахской свадьбе *жар-жар* – это поэтический разговор – состязание между девушкой и егетом [Аргынбаев 1974, 69; Каскабасов 1985, 127], в туркменской свадьбе – прощальные песни во время проводов невесты в дом жениха [Абубакирова 1982, 14].

Песнопения *йәр-йәр* занимают особое место в башкирской свадебной обрядности, исполняются как во время проводов невесты (юго-восточные башкиры), так и во время брачной ночи (центральная, западная территории РБ). Ныне песнопения эти исполняются ради традиции. В контексте свадебных торжеств коллективные содержат эротические, производительные замыслы. Они исполняются на особом скором темпоритме, жизненном веселом пафосе, отличном от причитаний. В башкирской свадьбе, как и у туркмен, имеются благопожелания *яр-яр* (*йәр-йәр*) и причитания *яр-яр* (*йәр-йәр*). Исполнение *яр-яр* сохраняется в таджикских, узбекских, казахских, туркменских свадьбах поныне, их отличает жизнерадостный поздравительный пафос. Примечательна переходная символика песнопений *яр-яр*, запечатленная в башкирском свадебном обряде *кыз озатыу* (проводы девушки). Невесту и мать разлучали таким образом: женщины обхватывали их полотенцами и тянули в разные стороны, плача и причитывая *яр-яр* (записано в 1986 г. от М. Яруллиной, 1905 г.р. в дер. Тунгатарово Учалинского района РБ). Этот обычай сохранил древние отголоски магии неприкосновенности лиц, переходящих в другой статус.

Благопожелания – самый популярный жанр в свадебных торжествах, произносятся и жениху, и невесте (преимущественно). Во всех культурах назидания, напутствия обобщают предписания и правила поведения молодых. Выделяются основные два места благопожеланий в свадебной драматургии: перед проводами из дома отца (*бил быуыу* – опоясывание) и в доме жениха (*бит асыу* – открывание лица). В обряде встречи невестки (свадьба тюркоязычных народов) традиционно маркируется переходный момент: в доме отца невесты укрывают голову большим платком, а в доме жениха открывают, произнося благопожелания. Отсюда аналогии названий и назначений обряда *бит асыу* (у башкир), *беташар* у казахов, а у туркмен – *дувак гюню*, т.е. снятие лицевого покрывала [Серебрякова 1986, 210]. Акцентируются права невесты и золовки: теа, у башкир сестра жениха снимает пояс невесты и становится ей золовкой (*каныш*, *кайынһеңле*). Происходит приобщение невестки к чужому роду и санкционируется статус золовки как близкого человека в макрокосме жениха.

В покрывании обыгрывается идея социальной «смерти» невесты для своего рода (под платком невеста олицетворяет уход из этого мира) и «оживление», т.е. «рождение» в новом месте и статусе (открытие лица и снятие пояса, смена его на фартук). В новом пространстве устанавливаются принятые в этом роду взаимоотношения, согласно статусу и правилам поведения нормы, которым неукоснительно должна следовать женщина-чужеродка. Отсюда традиционная у тюрков смена (забвение) имени невестки отвечает обновлению статуса, также обережным от влияний сил нового места целям. Давая новое имя, обозначали по отличительным качествам (*Каракаш* – «Чернобровая», *Озон сәс* – «Длинноволосая», *Тәңкәле*, досл.: «С монетками в косах» и т.д.).

Благопожелания невесты – фольклоризованные нормы поведения и морали женщины. Это тексты, в словесно-поэтической форме обобщившие представления тюркоязычных народов об обязанностях, нормах поведения *килен* (невестки), жены, будущей матери. Лаконичные, пословичного стиля благопожелания (*теләк*) содержат вековые ценности духовно-нравственного значения.ю также конкретизируют жизненно-бытовые обязанности жены. Основное пожелание касается всегда плодородия невестки:

Түлле, түлле, түлле бул,
 Бүзәнә кеүек түлле бул,
 Тулғатканың ул булһын,
 Тумырғаның май булһын.
 Иренмәһәң – игез тап,
 Арымаһаң-ай за тап,
 Йыбанмаһаң-йыл да тап!

Плодовитой будь, будь,
 Словно перепелка будь,
 Схватки будут – сына рожай,
 То что берешь – масло будет пусть!
 Коль не лень – двойню рожай,
 А не устанешь – каждый месяц рожай,
 По силам – каждый год рожай!

Благопожелания – *алғыш* должны были произносить невестке все женщины, начиная с самой старшей до самой молодой снохи, родственниц жениха. Такая ритуальность, основанная на магии слова, традиционна свадебной культуре всех тюрков (алтайцы, казахи, киргизы, туркмены, башкиры и др.). Согласно идее материализации доброго слова, *алғыш* «закрепляли» преподнесением даров: невестке на плечи укладывали платочки, полотенца, платки, пришивали на зияян бусинки, монетки, на пальцы надевали кольца, на руки серебряные браслеты и т.д. Устойчивость и привлечение добрых наставлений акциоанально обыгрывается так: каждое слово сопровождалось ритмичным похлопыванием по плечам новобрачной. «Оп-оп-оп! Будь белее яйца, Оп-Оп-Оп! Будь осторожнее сороки, Будь чище воды текучей!»

В силу обобщения народных традиционно-этикетных ценностей и мудрости предков многие благопожелания получили формулировки пословично-поговорочного характера:

Ирең күңеленән алда
Кәйнәндең күңелен күр

Прежде чем угодить мужу,
Угоди его матери

Эпизод пожеланий представляется во всех типах свадеб как инициальный акт приобщения духовно-нравственным, моральным ценностям и поведенческим нормам другого рода. Хозяйственно-бытового характера указания («Раньше мужа в постель не ложись, сношенька! Стадо не просыпай. Возле колодца долго не разговаривай с женщинами, сношенька! Гостям быстро ставь самовар и приветствуй, сношенька!») вбирают многовековой опыт жизневедения башкир. Благопожелания невестке (*теләк, батаһуз, алғыш*), видимо, имели в прошлом силу закона и священных текстов предков. Универсалии обнаруживаются не только смыслового, но и словесно-поэтического, художественного характера. У башкир:

Алғы итәгенде бала баһын,
Арткы итәгенде мал баһын!

Пусть подол будет полон – детьми,
Задний подол – полный скота [Султангараева 1998, 90].

У алтайцев:

Алдны эдэгын бала пассын,
Арткі эдэгын мал пассын!

Пусть перед тобой (в подоле твоём) детей много будет,
А за тобой скота много будет! [Вербицкий 1893, 104].

Сходства между башкирскими и древнеиндийскими обрядами встречи невестки связаны с культом камня, характерном архаичным традициям народов. У древнеиндийцев обряд называется «вступление на камень»: муж побуждает наступать на камень, находящийся к северу от огня, повторяя слова: «Взойди на камень, Как камень будь тверда, Раздави врагов, отгони врагов!» [Пандей 1990, 183]. У башкир под ноги невестке также кидают камень, на который она должна наступить, при этом приговаривают:

Һыуға батқан таштай бул,
Котло килен бул!

Как в воду канувшим
Камнем здесь останься! Дстойной будь!

(записано в 2003 г. в дер. Аккужино Зилаирского р-на РБ). Камень в обоих случаях действует в значении обеспечения крепости, устойчивости и символики плодородия.

Обсыпание гостей, сватов, невестки гостинцами, зерном (у башкир – измельченным курутом) – традиционный компонент свадебной обрядности как славянских, так и тюркоязычных, европейских, индогерманских народов [Сумцов 1885, 65; *Таджики* 1976, 531] и проводит идею изобилия, плодородия. Поныне у самарских, саратовских башкир сохраняются традиции обсыпания сватов баурсаком, конфетами, пшеном, произнося благопожелания во время их встречи (Записано в 2005 г. в с. Кустенево Самарской области РФ).

В казахской, киргизской, башкирской, туркменской и др. тюркских традициях отличаются не только композиционно-структурные аналогии и сходства в свадебной обрядности. Общность и параллели обнаруживают духовно-нравственные, моральные принципы и предписания, обеспечивающие прочность семьи и благополучную будущность.

В структуре свадеб примечательны типологичные модели организации обрядований. знаковые эпизоды, например: *кыз айттыру* (сватовство – Р.С.), *жаушы жиберу* (приход свата – Р.С.), *куда килеу тойы* (свадьба приезда сватов – Р.С.), *есіктор көрсету тойы* (свадьба показа дома – Р.С.), *кыз узату тойы* (проводы девушки – Р.С.), *келин түсіру* (встреча невестки – Р.С.) [Куралулы, 1998, 60–64]. В башкирской обрядности обнаруживаются четкие созвучия и параллели в названиях и содержании обрядов: «кыз эйттерәү, яусы ебәрәү, коза килеү, йорт күрһәтеү, кыз озатыу туйы, килен төшөрөү» [Султангареева 2006, 107–176].

Плач маркирует все ритуальные практики, связанные с переходами (свадебные, погребальные, родильные, а также проводы в армию, поход и т.д.) и связан с архаичными верованиями в магию слез» [Малкондуев 1985, 97]. В башкирской обрядности *сенляу* – один из самых драматичных частей *туйы*, начинается с момента сватовства, сопровождает свадьбу с обряда сговора и заканчивается в момент отъезда невесты из дома отца. Ритуальный плач очищает, обновляет, санкционирует переход, т.к. имеет в основе осознание временной смерти [Султангареева 2006, 157–159]. Невеста, уходя навечно из родового макрокосма, социально «умирает», а «оживает», пройдя прощальные эпизоды, как выше указали, в другом качестве для рода мужа. Все эти переходные моменты, «смерть, роды и вступление в брак сопровождалось особым ритуалом прощания» [Еремина 1987, 28], санкционирующим по сути знаковое обновление статуса. Отсюда особо эмоционально-экспрессивные волеизлияния и чувственные откровения, отображенные в песнях-причитаниях,

в частности, свадебных. На вере в магию слез основаны традиции специальных плакальщиц как у русских [Чистов 1982, 112–113] так и у татар, мордвы – каратаев [Баязитова 1991, 126–127], народов Кавказа [Халилов 1985, 23–68]. У башкир особой популярностью пользовались *сеңләүсе* (причитальщица), *сең ҙйтеүсе* (та, которая произносит плач) или *сеңләтеүсе* (та, которая руководит причитаниями невесты). В традиционном обрядовом быту обучения причитывать *сенляу* производились во время игрищ *аулак өй* (уединенные дома) и молодежных собраний. Заставление плакать девушек во время проводов, которое со временем закрепляется в обрядовании, – это дань древним традициям, связанным с верованиями в магию слез. Примечали, что «если не будешь плакать в доме отца – придется плакать в доме мужа», потому сильно щипали, заставляли плакать всех и невесту.

Навечное прощание с родной стороной и близкими – особо часто звучащая тема в *сенляу* (причяти русских, украинцев и др.) и потому наиболее четко акцентирует мотив социальной смерти:

Иламаҫ та ине, ай, кыз бала,	Не плакала бы да дева-дитя,
Сит ерзэргэ мэнге юғала.	Навечно уходит в чужие края [БХИ 1995, 454].

Сенляу дает возможность отобразить глубоко интимные чувства и тяжелые страдания молодой женщины. Прощальные волеизлияния трансформируются в яркие поэтико-образные, эмоционально наполненные художественные решения:

Ишегем алды туң тимер ,	Во дворе заledenело железо,
Өшөнөм, атай, туның бир.	Замерзла, отец, шубу дай.
Риза ла бул, бэхил дә бул,	Будь же доволен и прощай навек,
Хуш бул, атай, кулың бир!	Прощай отец, руку дай! [БХИ 1995, 459].

Яркой и проникновенной силы образное поэтико-художественное воплощение получают откровения, построенные на осознании невозможности возвращения:

Һез тиндәштәремдән айырылһам,	Когда с вами расстанусь, поруженьки,
Кауырһынкай булып кайтырмын!	Перышком только вернуться смогу! [БХИ 1995, 463].

Мотивы превращений, ритуального перехода, отобразенные в *сенляу*, восходят к верованиям и этнографическим реалиям. По архаичным представлениям, переход в новый статус ассоциируется со встречей с незнакомым,

чуждым и чужим, которые, согласно логике, по самым этим показателям уже опасны («На чужбину уходит головушка, вернуться нельзя будет никогда») [БХИ 1995, 45]. Так, по представлениям, переход этот возможен был только через прекращение добрачного существования, т.е. через умирание [Бернштам 1982, 63]. Именно в этом контексте объяснимы универсалии плачезого прощания и оплакивания девичества, которые фактически маркируют почти все типы свадебной обрядности. Уход из дома как знак смерти для своего рода – основной акцент, маркирующий прощание с девичеством.

Анализ свадебной архитектоники и направленности жанров показывает, что санкционирование брачного союза опирается на универсальные идеи плодородия, устойчивости Рода, Семьи, как единственных гарантий жизненной гармонии общества. Культ перехода жениха и невесты на новый статус связан с идеей преемственности и обязанностей человека перед родом. Доминирующие эмоциональные коды как плачево-прощальные, напутствующие и подбадривающие, обусловили психоментальные знаки всех типов свадебной обрядности и особенности жанров.

Современные тенденции развития башкирской свадебной культуры: межэтнические взаимовлияния; стилизации обрядов, импровизации песен, благопожеланий сообразно времени и духовным потребностям; трансформации обрядов в игровые эпизоды. Основные эмоциональные доминанты фольклоризованы в жанрах оплакивания (причитания, плачевые самовыражения), благословения (благопожелания – *телэк*, назидания – *нәсихәт*, приговоры – *әйтәмсә*) и веселений (*такмаки* – частушки, плясовые речитации, присказки – *әйтәм*). Такая группировка и дифференциация свадебного фольклора характерна фактически всем типам обрядований и культурным комплексам брачного значения.

Библиография

- Abubukirova Nailya Nigmanovna. 1987. *Narodnye pesni Zapadnogo Turkmenistana*. Avtoref. dis. kand. iskusstv. Leningrad [Абубукирова Наилия Нигматовна 1987. *Народные песни Западного Туркменистана*. Автореф. дис. канд. искусств. Ленинград].
- Alimžanova A.Š. 2011. *Cennosti i idealy islama vprostranstve duhovnogo poiska tŭrkov*. V: *Žambyl i ėpičeskoe nasledie tŭrkskih narodov*. Mat. mež. nauč.-pr. konf. Almaty [Алимжанова А.Ш. 2011. *Ценности и идеалы ислама в пространстве духовного поиска тюрков*. В: *Жамбыл и эпическое наследие тюркских народов*. Мат. меж. науч.-пр. конф. Алматы].
- Argynbaev Halel Argynbaevich. 1974. *Svad'ba i svadebnye obrădy u kazahov v prošlom i nastoăšem*. «Sovetskaâ ėtnografia» № 6: 68–77 [Арғынбаев Халел Арғынбаевич 1974. *Свадьба и свадебные обряды у казахов в прошлом и настоящем*. «Советская этнография» № 6: 68–77].
- Baăzıtova Flera Saidovna. 1991. *Ėtnolingvističeskie materialy k rekonstrukcii drevnih tradicionnyh obrădov mordvy-karataev*. V: *Mordva-karatai: âzyk, fol'klor*. Kazan': Institut âzyka, literatury

- i istorii im. G. Ibragimova Kazanskogo naučnogo centra Akademii nauk SSSR: 105–135 [Баязитова Флёра Саидовна. 1991. *Этнолингвистические материалы к реконструкции древних традиционных обрядов мордвы-каратаев*. В: *Мордва-каратаи: язык, фольклор*. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского научного центра Академии наук СССР: 105–135].
- Baškort halyk' izady. Jola fol'klory*. 1995. Töz, bašhuz, komment. av-ry: Söläjmänov Ä.M., Soltangäräeva R.Ä. Öfö: «Kitap» [*Башкорт халык ижады. Йола фольклоры*. 1995. Төз, башһүз, коммент. ав-ры: Сөләймәнов Ә.М., Солтангәрәева Р.Ә. Өфө: «Китап»].
- Bernštam Tatyana Alexandrovna. 1982. *Obraz «rasstavaniâ s krasotoj» (k semantike nekotoryh èlementov material'noj kul'tury v vostočnoslavjânskom svadebnom obrâde)*. V: *Pamätniki kul'tury narodov Evropy i Evropejskoj časti SSSR*. Leningrad: Nauka: 162–171 [Бернштам Т.А. 1982. *Образ «расставания с красотой» (к семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде)*. В: *Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР*. Ленинград: Наука: 162–171].
- Čistov Kirill Vasilyevich. 1982. *Pričitaniâ u slavjânskikh i finno-ugorskih narodov (nekotorye itogi i problemy)*. V: *Obrâdy i obrâdovoj fol'klor*. Moskva: Nauka: 101–114 [Чистов Кирилл Васильевич. 1982. *Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы)*. В: *Обряды и обрядовый фольклор*. Москва: Наука: 101–114].
- Eremina Valeriya Igorevna. 1987. *K voprosu ob istoričeskoj obšnosti predstavlenij svadebnoji pogrebal'noj obrâdnosti (nevesta v černom)*. V: *Russkij fol'klor*. Leningrad: Nauka: 21–32 [Еремина Валерия Игорьевна. 1987. *К вопросу об исторической общности представлений свадебной и погребальной обрядности (невеста в черном)*. В: *Русский фольклор*. Ленинград: Наука: 21–32].
- Halilov Halil Mahmulovič. 1985. *Verbal'naâ magiâ v poëzii lakcev*. V: *Magičeskaâ poëziâ narodov Severnogo Kavkaza. Sbornik statej*. Mahačkala: Dagestanskij filial AN SSSR: 121–155 [Халилов Халил Махмулович. 1985. *Вербальная магия в поэзии лакцев*. В: *Магическая поэзия народов Северного Кавказа. Сборник статей*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР: 121–155].
- Kaskabasov Seit Ashatovich. 1985. *Teatral'nye èlementy v kazahskikh obrâdah i igrâh*. V: *Fol'klornye žanry narodov SSSR*. Moskva: Nauka: 115–137 [Каскабасов Сейт Аскарлович. 1985. *Театральные элементы в казахских обрядах и играх*. В: *Фольклорные жанры народов СССР*. Москва: Наука: 115–137].
- Kolesnickaâ Irina Michaylovna. 1987. *Russkie svadebnye pesni severnyh oblastej po zapisâm poslednih desätiletij*. «Fol'klor narodov RSFSR» (Ufa) Вып. 18: 61–70 [Колесническая Ирина Михайловна. 1987. *Русские свадебные песни северных областей по записям последних десятилетий*. «Фольклор народов РСФСР» (Уфа) Вып. 18: 61–70].
- Kunafin Giniuatulla Safiullovič. 1997. *Baškirskaâ literaturnaâ pesennaâ poëziâ XIX – nač. XX vv. Problemy formirovaniâ i razvitiâ žanrovoj sistemy*. Ufa [Кунафин Гиниятулла Сафиulloвич. 1997. *Башкирская литературная песенная поэзия XIX – нач. XX вв. Проблемы формирования и развития жанровой системы*. Уфа].
- Malkonduev Hamid Hashimovich. 1985. *Balkary i karachaevcy*. V: *Semejno-obrâdovaâ poëziâ narodov Severnogo Kavkaza*. Mahačkala: 96–120 [Малкондуев Хамид Хашимович. 1985. *Балкары и карачаевцы*. В: *Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа*. Махачкала: 96–120].
- Pandey Radž Bali. 1990. *Drevneindijskie domašnie obrâdy (obyčai)*. Per. s angl. Vigasina A.A. Moskva: Vyššaâ škola [Пандей Радж Бали. 1990. *Древнеиндийские домашние обряды (обычай)*. Пер. с англ. Вигасина А.А. Москва: Высшая школа].
- Putilov Boris Nikolaevich. 2005. *Fol'klor i narodnaâ kul'tura*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostočovedenie [Путилов Борис Николаевич. 2005. *Фольклор и народная культура*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение].
- Serebrâkova M.N. 1986. *Funkcional'naâ rol' magii v obrâdah detoroždeniâ u sovremennyh turok*. V: *Mify, kul'ty, obrâdy narodov zarubežnoj Azii*. Moskva: Glavnaâ redakciâ vostočnoj literatury:

- 196–216 [Серебрякова М.Н. 1986. *Функциональная роль магии в обрядах деторождения у современных турок*. В: *Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии*. Москва: Главная редакция восточной литературы: 196–216].
- Sulejmenov Muhamed-Halel. 2013. *Majky-bij, učenie «Žasau-izi» i istoki čingizizma*. Almaty: Servis Press [Сулейменов Мухамед-Халел. 2013. *Майкы-бий, учение «Жасау-изи» и истоки чингизизма*. Алматы: Сервис Пресс].
- Sultangareeva Rozaliya Asfandiyarovna. 1998. *Semejno-bytovoju obrádovuj fol'klor baškirskego naroda*. Ufa: Gilem [Султангареева Розалия Асфандияровна. 1998. *Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа*. Уфа: Гилем].
- Sultangareeva Rozaliya Asfandiyarovna. 2006. *Žizn' čeloveka v obráde*. Ufa: Gilem [Султангареева Розалия Асфандияровна. 2006. *Жизнь человека в обряде*. фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов. Уфа: Гилем].
- Sumcov Nikolay Fedorovich. 1885. *Hleb v obrádah i pesnáh*. Har'kov: Kniga po trebovaniû [Сумцов Николай Федорович. 1885. *Хлеб в обрядах и песнях*. Харьков: Книга по требованию].
- Tadžiki Karategina i Darvaza. 1976. Red. Kislâkov N.A. i Pisarčik A.K. Выр. 3. Dušambe: Doniš [Таджики Каратегина и Дарваза. 1976. Ред. Кисляков Н.А. и Писарчик А.К. Вып. 3. Душамбе: Дониш].
- Verbickij Vasilij Ivanovoch. 1893. *Altajskie inorodcy*. Sbornik ètnografičeskikh statej i issledovanij altajskego missionera, protoiereâ V.I. Verbickogo. Moskva: Gorno-Altajskaa respublikanskaâ tipografiiâ [Вербицкий Василий Иванович. 1893. *Алтайские инородцы*. Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В.И. Вербицкого. Москва: Горно-Алтайская республиканская типография].

Summary

Wedding-ritual songs of Bashkir: sources and typological parallels in folkloric creativity

In Turkic (Bashkir) wedding folklore, in the heritage of world spiritual culture, centuries-old knowledge of philosophy, life-concepts and ideals, as well as language, etiquette, moral and moral values of peoples are concentrated. This article covers the wedding and ritual culture of the Turks and Slavs. Using Bashkir ritual as an example, typological features and parallels in folklore genres associated with common situations of marriage festivals, clan interests and emotions are revealed. Wedding genres of lamentations, good wishes and praise, whose origins go back to the magic of kind words, tears and crying after a complex transformation, create a picture of universal ritual codes.

Key words: wedding songs, folklore, motivation, word magic, transitional symbols

Kontakt z Autorką:
sasania@mail.ru

